

Краснохвостое величество

За особо крупные размеры, хищный уединенный образ жизни зовется речным тигром. В Амуре ловили тайменей весом до 60–80 килограммов. Активен круглый год, живет в чистых холодных водах. С весны придерживается горных рек, осенью спускается в Амур и низовья его крупных притоков. Икру откладывает в родниковых ключах и протоках в апреле — мае. Созревает к пятому-шестому году, имея полуметровую длину тела. Доживает до 30 лет, причем безостановочно растет...

Познакомился я с тайменем еще в детстве. На Тунгуске. По осеннему перволедью. Блеснил щуку, попадались сиги. И вдруг подцепилось такое могучее чудище, что оторопел я и не то в волнении, не то в испуге крикнул о помощи. Вытаскивал его из лунки дед Храмов — мой старый добрый наставник, и вытаскивал долго, и здорово помог его ухватистый хитроумный багорик. А потому мой первый таймень не высек в памяти ощущения борьбы с ним. Но налюбовался я на него вдоволь и рыбацкое самолюбие удовлетворил вполне, хотя было в том чудище, как помнится, не более метра с четвертью, а весил он, что выяснилось уже дома, 26 килограммов.

Рядом на льду замерзали крупные щуки, стыли полуметровые сиги, но глаза приковывал к себе мой первый таймень. Не скажу, что любовался я тогда его красотой, а вот мощное брусковатое тело и лобасто-зубастая голова той рыбы запечатлелись в памяти навечно.

Позднее мне не раз приходилось выволакивать на лед тайменей, но обычно маломерок — покороче метра. Фарта не было. Но наконец весной 1945-го, когда мне оставалось рыбачить на реке своего детства всего несколько последних месяцев, мою блесну взял такой верзила, что пришлось его осиливать «колхозом», спешно расширив лунку.

Сначала я решил, что зацепилась блесна за топляк, но нет же... Редкие рывки живого из-под льда были такими невозмутимо сильными, что при каждом из них я едва выстаивал на ногах, а при могучем потяге рыба осиливала, пригибая меня ко льду. И вдруг перестала бороться, дала подтянуть себя к лунке, расплывчато показала важную морду сквозь слой воды — туловище в лунку не проходило. И снова ушла под лед на четверть часа... Но все же рыбацкой сплоткой мы ее одолели.

Этот трофей я запомнил куда лучше. Могучее и притом потрясающе красивое тело атлета с великолепной обтекаемостью. Голова, по длине занимающая четверть всего тела, лобастая, немного сплюснутая с боков, с большой очень зубастой пастью, причем крепкие острые зубы густо усеяли не только челюсти, но нёбо и язык. Глаза в меру большие, с выражением суровости и надменности.

И весь он был будто облачен в крепкую ратную кольчугу, по случаю близких свадеб красиво и благородно расцвеченную: спина бархатисто-коричневая, бока серебристо-зеленоватые в живописной россыпи черных крестообразных и полулунных пятен, живот с брюшными и анальным плавниками и внушительный хвост оранжево-красные, огнeperые, акварельной чистоты и яркости красок...

Оказался он «ростом» с меня — около полутора метров, весил же, по единодушному определению мужиков, два пуда и десять фунтов.

Потом лет двадцать редко имел я с тайменями дела, да, признаться, не изменял своей изначальной и непреходящей любви к карасю, и потому не завлекала меня охота на эту рыбу, которую восторженные люди именуют тигром горных рек. Бывая на тех «тигриных» реках, я больше интересовался хариусом. Может быть, за его жемчужно-блестящее, радужное очарование, возможно, и оттого, что удочку и крючок с детства предпочитал блесне, дорожке и спиннингу. Каждому свое...

Не так давно довелось мне несколько месяцев работать по сихотэ-алинскому Хору, выше села Бичевая, где река холодна и стремительна, сурова и дика. И посчастливилось как-то с директором зверопромхоза Виктором Петровичем Шипицыным две недели попутешествовать на лодке-водомете по Хору до самых его истоков и по его притоку Сукпаю — пока не зацарапала лодка по камням.

Правда, не досуже путешествовали мы, а работали: изучали леса, считали зверей, планировали промыслы... У охотоведов забот много.

А оказался мой спутник асом-спиннингистом, был он к тайменю столь же равнодушен, как я к карасю. И за те две недели я впервые хорошо узнал, где и как живет летом «водяной тигр» да как его ловят умельцы.

Мы чаще всего останавливались у глубоких омутов под крутоярем, особенно на резких речных поворотах, где вода могуче рыдала, бесилась и стонала, проносясь совсем рядом со спокойной многометровой глубиной, в которой угадывалась чернота камней, топляков и коряг. Не проходили мимо и угрюмых старых заломов: в ямах возле них не доставали дна самые длинные шесты. И тут Виктор Петрович священнодействовал. Сам он по себе — спокойный, выдержанный и рассудительный, душой и телом красивый мужчина, а вот спиннинг и таймени доводили его иной раз почти до транса. Но потом, успокоившись, он говаривал: разве может что-либо так снимать житейскую накипь, как рыбалка со спиннингом?

Обычно я не мешал ему и на берегу занимался своими делами, но приходилось и сидеть у руля на корме, когда орудовал он с носа плывущей по течению лодки. И наблюдал всю его технику лова, и здоровенные трофеи видел, и кое с какими сфотографировал. Но ярче всего запомнились три события.

Подкрутил было он свою блесну почти к самому борту и увидели мы, как за нею впритык спокойно плывет, лениво пошевеливая хвостом и плавниками, некое подобие красноперой акулы. Блесну она не взяла, но постояла у лодки несколько мгновений, строго озирая нас, и с величавым спокойствием неспешно погрузилась под вековой залом. Растаяла в глубине, как призрак... Старая была, опытная рыбина, изведавшая на своем веку почем фунт лиха.

Я уверен, что в том тайменище было под пару метров в длину, но для осторожности скину сантиметров двадцать, не более. Не знаю, сколько потянул бы он, но думаю — больше полуцентнера. Что за башка была у него! Что за широченная спина! Что за хвостище, ленивым махом которого он закачал лодку! Бревно! Крокодил! А какое властное очертание рта, и что за царственно грозный взгляд!

...Еще в середине нашего века авторитетные ихтиологи писали: в бассейне Амура таймени в 16–20 килограммов не составляют редкости, и даже полутораметровые не выходят из разряда обычных. Там же указывалось, что известны случаи поимки тайменей весом до 50–60 килограммов...

Для полноты картины: не столь давней зимой в низовьях Амура добыли пятипудового гиганта, о чем писалось немало... Но и сам я достоверно знаю о поимке такого же великана на Бикине: видел его, трогал, удивлялся, восторгался...

И еще о размерах «красноперой акулы». Как-то ихтиологи собрали всех тайменей, составивших прилов в сетях Солонцового рыбозавода, что в низовьях Амура. Посчитали их, тщательно измерили, взвесили. И оказались они длиной от 45 до 145 сантиметров, а весом — от 5 до 36 килограммов. Математические расчеты выявили средние размеры: без сущей малости метр при 11 килограммах.

Надеюсь теперь, что моя прикидка длины шипицынского тайменя (под пару метров) не будет воспринята читателем как рыбацкая байка. Ту «акулу» Виктор Петрович не поймал: времени свободного не оставалось. Но расскажу о другом въевшемся в память случае. Бросал как-то мой таймешатник блесну на сливе шумного мелкого переката в глубокий тихий плес под скалою, где хищник любит попромышлять. Было раннее утро. Еще не ударили по воде первые солнечные веера, но алыми красками в полном безветрии уже светилась заря, высоко и звонко пел Сукпай, в алую же гладь плеса опрокинулись таежные горы с правого берега и с левого. Зеленые, кудрявые... А по речному простору резвились таймени, ловко хватая рыбку мелкоту. И так красиво и сильно резвились! Выпрыгивали из воды то пологой дугой, то «свечкой»! Заметил я, как один из этих охотников перекусил пополам выскочившего из воды конька-губаря и не стал подбирать половинки. А три других водворотили круги, могуче били хвостами. Всякая иная рыба шарахалась, стаи разбрызгивались, панически разбегались...

Такое долго помнится светло и радостно.

Как детство.

...Таймень подцепился на блесну и ну выделявать курбеты! То в глубину тянул, то вдруг наперерез мощной струе летел на перекат! Там, на мели, он и сорвался. Почувствовав свободу, смастерил «свечку», потом помчался поверху глиссером — чуть ли не на брюхе, оголив лоб и темя, оставляя за собою высокие волны и пенный след. Но вот зарылся в воду, а след все равно за ним тянулся...

И вдруг начал он по своему курсу выпрыгивать, выделявая головокружительные виражи... И так все это посреди дикого таежного мира было красиво и сильно, что долго мы тянули сигареты, переживая и обдумывая увиденное и обмениваясь впечатлениями.

Но успокоился мой спутник, и снова захотел руку и душу усладить, и опять стал хлестать речку, виртуозно швыряя блесну точно в те места, где давали о себе знать таймени. Двух подсек и ловко оборол, потратив на вываживание каждого по четверти часа.

Не впервые я видел, а все же искренне любовался тяжелой, сильной рыбой, облаченной в роскошное серебро мундира, ее совершеннейшими обводами. Взвесил я их обоих и промерил: оба имели по 103 сантиметра, только один потянул 13 кило, другой же оказался на пару фунтов легче.

...И еще раз удивил меня Виктор Петрович. Повечеряли мы уже в темноте, пора бы в палатку на сон, а он берет спиннинг и цепляет вместо блесны бархатистый чурбачок с мощными тройниками с одной стороны и с другой. А мне объясняет, словно я не знаю: «Искусственная мышь. Пенопласт обтянут шкуркой с беличьих лапок. Кусочек свинца снизу для устойчивости. Плышет поверху вроде какой зверюшки. Ленюк хватает, таймень. Пошли-ка к перекату, помышкуем, попытаем удачи».

Ночь была безлунной. Бархатно-черное небо ярко мерцало звездами... По шуму катушки и шлепку «мышы» о воду догадывался я о забросах средней дальности и умеренной силы. Тянул рыбак обманку не спеша, и вблизи было видно, что она и в самом деле очень походит на переправляющуюся через речку крупную полевку или бельчонка.

Один заброс впустую, другой. Сразу после третьего шлепка сильно всплеснуло, тут же затрещала катушка и Петрович мой вскрикнул: «Есть! Тяжело идет!» Но то был ленок килограмма на четыре. И еще три таких же подцепилось чуть ли не один за другим. А потом падение в воду «мышы» сопровождалось таким мощным всплеском, что услышал я торопливо сказанное: «Таймень хвостом ударил». И тут же застрекотало, засвистало, зашумело в воде и на берегу. Мой рыбак забегал, замесил сапогами гальку, закланялся, «заиграл» спиннингом, то гнущимся в дугу, то вытягивающимся в одну линию с леской, со свистом режущей воду.

«Приготовь багорик! Посвети!» — принимал я возбужденные команды и тоже суетился. А катушка редела тормозом, натужно скрипела при подмотке. То и дело она вырывалась из пальцев и разбила их в кровь. Трижды таймень подходил почти к самому берегу и показывал свою тушу, но стоило мне занести багорик, как он рвался в темень...

Борьба кипела не менее получаса, но победа стоила труда и пораненных рук. Рыба оказалась длиной 110 сантиметров. Напоминанием об этом стала запись в дневнике: «В желудке, кроме рыбы, оказались две большие дальневосточные полевки, землеройка-кутора и молодая утка-каменушка».

...Вспомнился мне рассказ знакомого нанайца:

«Смотрю — крохали в заливе! Я — к ним. Подкрадываюсь. „Тулку“ приготовил. Только примостился целиться, как там будто бомба взорвалась. Было в стае шесть уток, а улетело пять... Думал, выдра. А вечером в сетку на устье того залива запутался большой дзели (таймень. — С. К.). А в пузе — крохаль».

Но каков все же стол тайменя? Тогда — на Хору — и следующим годом на Бикине распотрошил я шестнадцать трофеев. И удивился: рядовые (с округлением — метровые)

таймени с весны до осени питаются обыкновенной сорной мелюзгой — пескарями, синявками, гольянами, корюшкой, чебаками и чебачками, по массе составляющими от 75 до 90 процентов всего употребляемого продукта. Остальная малость пришлось на налимчиков, коньков, касаток, харьюзят. Обнаруживались, кроме рыб, мыши, полевки и землеройки; раки, моллюски и лягушки. Даже насекомые. И лишь более крупные экземпляры наслаждались ленками-маломерками, жерешками, конями, хариусами, хотя не гнушались и обыкновенной мелюзги. Да что там, они не отказывались также от слепня, стрекозы, мотылька.

А чем же питаются таймени в ледовое время, уже переселившись в Амур и его широкие, тиховодные притоки? Истребляют ли моего любимого карася? Ведь пишут же знатоки, что способен этот хищник заглотить жертву, длина которой составляет 30–40 процентов его собственной! И оказалось, что он карасем действительно не брезгует, только составляет последний шестую часть всего его амурского рациона. Гораздо больше исчезает в его утробе чернобрюшек, востробрюшек, пескарей, коней, чебаков. Любит он разговесться сочной жирной миногой.

Не удивительно, что как представитель лососевых таймень смахивает на кету, горбушу и других и внешностью, и многими элементами поведения, в том числе нерестового. И в самом деле: на сотни километров упорно поднимается в те же верховья рек и ключей, что и кета, и так же сильными ловкими прыжками форсирует пороги и водопады, и тоже на брюхе переползает очень мелкие перекаты, судорожно извиваясь и оголяя спину свою, а то и бока. Только не стаями идет он — одиночками или парами. И не осенью, а весной. Икру часто откладывает в тех же протоках и ключах, откуда совсем недавно уплыли кетовые малявочки. Так же хвостом и животом устраивает гнезда-ямы в гальке с песком глубиной до полуметра и так же старательно зарывает их. Икра тяжелая, крупная, яркая... В самке ее созревает от 10 до 35 тысяч штук, чаще всего немногим больше 20 тысяч.

Но кета, оставив потомство, стережет свои бугры до последнего издыхания. Таймень же, изрядно отощав, сплывает неспешно до глубоких ям и омутов, соседствующих со стремительными потоками, шумными перекатами, спокойными плесами да тихими мелководными заводьями, где и «отаборивается» до осени, усиленно питаясь.

Днями наш властелин горных рек обычно отстает, укрывшись под топляками, за большим камнем, в нижних слоях бревен древних заломов... В нишах под корчами, в корнях. Дремлет вполглаза, не упуская из виду ни то, что рядом, ни водную гладь вверху. Как только беспечно приблизится какая рыбка, следует бросок — и этой рыбки нет. Правда, если упал на воду мотылек и забился, погибельно намокая, таймень еще подумает, стоит ли игра свеч.

А на зорях активно жирует. Охотник он великолепный, «голодный паек» ему не свойствен, и потому упитан он что сом. Только большая часть жировых накоплений у него в мясе да на внутренностях, а не на спине под кожей.

Но какова же судьба отложенной и зарытой тайменьей икры? Ее развитие идет по всем тем же законам природы: в определенное время выклеваются личинки, потом они превращаются в мальков и сами начинают искать свою пищу: насекомых и их личинок, бокоплавов, моллюсков. Едят много и жадно, растут быстро. Десятисантиметровый

серебристый годовичок обликом совсем похож на родителей, только в отличие от них он украсился темными поперечными полосами.

Он уже умеет промышлять всякую рыбу мелкоту, причем промышляет старательно. Ко второму году он в два раза длиннее, масса составляет 160–200 граммов. Еще через 2–3 года он почти полуметровый и уже во всем взрослый и предпринимает дальний нерестовый вояж в верховья рек.

Созрел, но и дальше растет. И всю жизнь расти будет, в первую дюжину лет ежегодно прибавляя примерно по дециметру: в пятилетнем — где-то чуть больше полуметра, в десятилетнем — немного за метр. Двенадцатилетний имеет около 120 сантиметров и 20–24 килограмма. Но на второй дюжине лет темпы линейного годового прироста снижаются до 6–7 сантиметров, и в этом уже почтенном возрасте рыбища не столько удлинится, сколько жиреет и утолщается. Те, кому посчастливилось дожить до тридцатилетия, за восемнадцать последних лет подрастают всего на две трети, зато утяжеляются в 3–4 раза.

...С годами таймени набираются жизненного опыта. Бойкая задиристость и наглость дополняется у них осторожностью, предусмотрительностью. Впрочем, у каждого могут быть и какие-то свои особенности. Одинаково у всех лишь стремление к светлым и холодным струям. Нет для них места краше горной реки. Всякие карасиные неудобья этой рыбе совершенно не подходят.

И вот тут-то настало время вернуться к вопросу о «социальных» отношениях в тайменных популяциях. Тяга к собратьям ослабляется с возрастом — мальки шастают солидными стайками, «подростки» хотя и не густо, но еще табуняются, те среднеразмерные, которых ловил Шипицын, обживают свои ямы с охотничьими владениями вокруг них группами по четыре — шесть особей, ну а 20–30 — килограммовые держатся уединенными парами. Не терпят себе подобных полутораметровые особи, не говоря уж о более крупных.

Но великанов не просто найти, еще труднее «посадить» на острый стальной тройник. Одолеть и вытащить такого — все равно что убить из лука свирепого вепря или заарканить мустанга. Честь тому рыбаку и слава! Не меньше часа провозится он, руки изобьет и окровавит, весь измотается... Одна рыбацкая душа воспаряет в самое небо и там ликует... Часто, однако, ликование оказывается преждевременным и разбивается вдребезги... Но горькая досада стократно возмещается светлыми и трепетными пожизненными воспоминаниями.

Однако в больших ямах и омутах иногда собирается до десяти, даже двадцати громадных тайменей. Особенно перед ледоставом, когда шумит по реке шуга, а в глубоких местах с просветленной голубоватой водой образуются стекольно-прозрачные ледяные забереги. Впрочем, летом тоже иногда таймени срастаются. Но это не стаи в полном смысле слова, ибо всяк в такой группировке — сам по себе. Просто каждому из них позарез нужно быть именно в этом месте. В конце концов, не так уж много глубоких, удобных для охоты ям в горных реках, — это вам не Амур.

...Обитает в Амуре и почти во всех его притоках мелкая рыбешка — речная малоротая, или малая, корюшка. Родня того знаменитого огуречника, который живет в море, а на нерест невысоко поднимается в Амур густыми косяками.

Малая же корюшка в пресных водах держится всю свою короткую и непритязательную, в норме двухлетнюю, жизнь, однако к нерестовым местам и обратно совершает довольно протяженные миграции. Идет вдоль берега горных рек длинными — иной раз километровыми — жгутами. Сачком начерпать ведро — дела на несколько минут. Можно и полюбоваться этими лилипутиками: в указательный перст размером, бока серебристые, спина желтовато-зеленоватая, в чешуйках с ювелирной пятнистой каемочкой. И тоже пахнет огурцами.

Взрослые обычно нерестятся на галечниковом грунте пойменных озер и впадающих в них мелких рек. Где-то недалеко от Амурского моря. А после нереста идут скопом в холодноводные реки. Осенью точно таким же образом кочуют по течению к озерам в низовья крупных рек. Невелика рыбешка, а еще меньше изучена она по сей день.

Так вот. Когда движутся эти бесконечные жгуты малой корюшки, таймени, а заодно и прочие хищники от жадности словно пьянеют. Пять — десять дней проходит эта лакомая рыбка через тайменьи вотчины. В такое время все речные тигры, волки, рыси, лисы и прочие спешат на пир. Жрут дено и ношно. И в пору этого фантастического массового жора блесну хватают тоже без раздумий.

Довелось мне однажды быть свидетелем, как знакомый удэгеец на Бикине июньской благодатью с берега, в десятке метров от своего охотничьего зимовья, за пару дней вытащил спиннингом пятнадцать больших тайменей, и пять из них были длиннее метра, а один — полтора метра. А еще над его коптильней созревало полсотни добрых ленков...

Вот я по сей день и ломаю голову: или те полтора десятка тайменей жили в яме около единственного в том месте залома, или же стаями шли за неспешно мигрирующей корюшкой?..

Как многое из биологии даже самых популярных рыб нам неизвестно! Любознательные рыбаки, правда, могут знать и такое, что не добыть еще ни в каких научных исследованиях. Оттого-то для вдумчивого охотника со спиннингом всякая новая рыбалка становится особенно интересной. Волнующей.

Забрались мы как-то с нанайцем Сергеем Ахтанкой к верхнему притоку Бикина Зеве. Коварная, порожистая, очень опасная река. Перекаты с торчащими из ледяного кипятка смертоносными белоклыкими камнями беснуются один за другим. Могучий поток с яростным ревом остервенело бьет то в одну каменную стену, то, круто и зло изогнувшись, в другую. Между скал большие и малые шумные волны несутся бесконечным караваном испуганных верблюдов, а над ними носятся долгие-долгие ревы, стоны и рыдания эха.

...Кажется, пронесло, слава тебе господи. Успокоилась Зева, растеклась зеркальным плесом вроде озера. Сдержанно рокочет за поворотом. Но... спереди уже доносится гул нового водоворотного ада. Вскоре рев раздается совсем близко. Сопки вплотную надвинулись, небо опустилось, вода засвинцовела и зарябила.

Впереди видно: река упирается в широченную скалу от берега до берега и под ней вроде бы проваливается в преисподнюю. Нас несет прямо на скалу, мы глохнем, а лодку швыряет словно высохший дубовый листик, и трудно ею управлять, и не сообразишь, куда нацелить. Назад? Но поздно, не развернуться между камней. В голове мелькает обреченное: все, хана... Но впереди справа ударил в глаза зеленовато-голубой просвет, приходится мгновенно толкать руль вправо на борт, выворачивать ручку акселератора мотора до упора, и только потому успевает лодка проскочить совсем рядом с чудовищным волнобоем потока, всей своей мощью обрушившегося на скалу... А через несколько мгновений рев и грохот остаются за кормой, и лодка опять устало качается на невозмутимо просторном плесе... А мы молча тянемся за сигаретой. И думаем: с этой стихией только таймену и совладать.

...Едва не опрокинувшись на свирепом перекате, мы причалили к небольшому уголку галечной косы, неведомо как намытой у выпершей из-за поворота скалы. А рядом оказалось громадное улово. Оно было под высокой стеной базальта, отвесно уходящей под воду. Немного выше этой скалы река, разбившись о несокрушимую твердь, круто загибала свой поток к другому берегу, лишь рикошетно задев то улово. В нем вода медленно и тяжело шла по охватистому кругу, а у самой скалы течение становилось обратным.

Мы долго смотрели, как кружило и гоняло в улове большие и малые воронки, топляки и плавник, как исчезали в них ветки и палки, не говоря уж о листьях и прочей легкости.

Развели костерок, сушимся. И вдруг видим: рядом с лодкой всплыл полутораметровый таймень, уже утративший свой брачный наряд, а потому просто серебристо-пятнистый, коричневоспинный. Что хорская «красноперая акула». Нагло рассматривает пришельцев сквозь тонкий чистый слой воды. Интересуется... Двинулся под лодку... С другой стороны высунулся. И вдруг метнулся торпедой к улову, а рыба от него — веером. Всплеск, водоворот, волны — и все стихло. Да-а-а... И радостно, и тревожно стало на душе.

Хорошо, что оказался у нас моток накрепчайшей жилки и запас блесен. И были отличнейший багорик, и малопулька, и глубокий сачок поперечником почти в метр. Иначе не взяли бы мы с одной точки за вечернюю и утреннюю зори дюжину тайменей. Все они стояли в одной огромной яме. А размерами оказались от 90 сантиметров до 140...

Как просто скупой написать: «взяли за вечернюю и утреннюю зори дюжину тайменей». Ведь зори какие были! Бурные, вольные, переполненные рыбацкими восторгами и радостями! Уж сколько лет прошло, а как будто вчера пережиты. И разве же можно от них отделаться одной лишь скупой фразой! Ну послушайте же меня, разделите мои восторги!

Мой тезка из нанайского рода Ахтанка на лов тайменя был не только гораздо азартнее, но и ловчее меня. Однако с первым он провозился добрых полчаса и разбил вертушками спиннинга пальцы. Блесну бросал с кормы лодки, а потому, вываживая того первого, гремел в ней, оскальзывался, и трудно было вытащить добычу. Пришлось пристрелить из тозовки-мелкашки.

И сошел Сергей на косу. Второго верзилу мы одолели просто: взяли силой, в четыре руки выбирая жилку с таким расчетом, чтобы при очень уж резком натяге и рывках она в наших ладонях проскальзывала. Выволокли его на косу еще в силе, а потом любовались, как расшвыривал он гальку могучими рывками.

А третий нас удивил: даванул молодецки, ударил блесну, заглотил ее, ворохнулся несколько раз на жилке и успокоился. Волочился бревнышком, лишь изредка вздрагивая. И спокойно дался в руки: я запустил обе пятерни за перемышку под горлом между жабрами и отнес его к скале. Легкомысленно нес: осерчай он да ударь хвостом во всю силу — валяться бы мне, а то и бултыхаться.

...Утром дело пошло куда горячее. Я варил уху, когда Ахтанка крикнул: «Зацепил, однако, пропала блесна!» Я обернулся: тот обескураженно и лениво дергал удилицем, раздумывая, что предпринять. Подошел к нему... Давно знаю, что зацеп с живым сопротивлением крупной рыбы спутать трудно, но послушал струну лески — никаких признаков жизни. Потянули вдвоем посильнее, натужились — сдвинулось. Пошло тяжело и медленно. Решили: за топляк блесна зацепилась.

Я подтягивал тот «топляк», а мой напарник наматывал леску на катушку, беспечно попыхивая сигаретой. И вдруг нас за ту леску так сокрушительно рвануло, что обожгло мои мокрые руки и едва удержался я на ногах, а неприторможенная катушка засвистела высоко и надсадно, и никак не мог ее Сергей затормозить, прижимая ладонью.

Но затормозил. И застрекотала она словно рассерженный колонок, которого за хвост извлекают из-под коряги. Туго натянутая жилка тренькает, гудит, со свистом режет и пузырит воду и тяжело вздрагивает, и неостановимо заглывает ее пучина, и нет возможности остановить катушку, на которой лесы все меньше и меньше...

А как вовсе не останется?

Очень спокойный человек Сергей Ахтанка, а тут его лицо перекопилось, от напряжения покраснелось, глаза на лоб лезут, рот то широко раскрыт, то плотно стиснут. И просит он помощи, потому что удилице — в дугу, леса — в струну и вся снасть от натуги стонет. А вертушки все колотят по пальцам и ладони, не даются, и вот-вот рассыплется «машинка». Я помогаю, тяну жилку, удерживаю ее, подбадриваю Серегу, которого распирает и восторг, и страдание, который то выстанывает, то яростно вскрикивает: «Ии-ых... Уу-ух!.. Ыыы-ы... Гад... Бык...» И я переживаю. Суечусь. Не знаю, что еще посоветовать и чем помочь. И у

меня не только голова, но и, кажись, спина от восторга кружится, и ликующие мурашки по телу бегают. Дух замирает, сердце рвется наружу.

Но что это еще: ни взад, ни вперед. Зацеп? Обмотнулась леска вокруг топляка? О господи, этого нам еще не хватало. Но Сергей опытен и догадывается: «Уперся башкой во что-то. Надо немного слабины дать, чтоб снесло его». Даем. Провисла жилка, а потом медленно поплыла по течению. И снова натяг, и снова редкие, но тяжелые толчки по леске, и снова нет сил управиться с «крокодиллом».

И тут случилось непредвиденное: оскользнулся Сергей и упал на спину, больно ударившись затылком о булыгу. Я подхватил удилище, закрепил его в лодке под сиденьем и — к пострадавшему. Но тот сел и неожиданно спокойно говорит: «Ничего... Тяни его, гада».

И я стал бороться с тем «гадом» один на один. Помаленьку умаял его. Пошел тот кверху, показал спину, взгреб воду широким веником хвоста, крутанул водоворот. И замер. Повис невесомо в своей стихии. А я радостно кручу, кручу, трясутся коленки и одеревенели руки. Но туго взвизгивает леска, и доносятся по ней могучие удары, и тяжело скрипит катушка, и душа уносится в разгорающееся поднебесье, под которым лишь я со своим другом, Зева, лодка и таймень на блесне.

...Подвел я его уже к самому берегу. Не менее чем двухметровое толстое чудище. Бархатистая темно-вишневая спина, башка что у коня, розоватый зев. Зло оглядывает меня, что-то соображает. Не лыком ведь шит. И только выкрикнул я: «Серег! Бей из малопульки ему в темя!» — как взбурлил тот воронку и исчез, и снова затрещала катушка... Когда на ней почти ничего не осталось, я обмотал леску вокруг кисти, перекинул через плечо и уперся: будь что будет.

И вдруг почувствовал ужасную, невыразимо потрясающую легкость в невесомо упавшей на гальку жилке. В какой-то надежде лихорадочно хватаю ее, быстро-быстро вытягиваю из воды, мельтеша руками, но идет она пусто и расслабленно... И звякнула по камням блесна с обломанным якорем...

Сначала вырвался из меня страдальческий стон, потом я бросил спиннинг и заломил руки в небо, словно проклиная бога, кулаки стиснул, неизвестно кому угрожая... Но тут же такая усталость нахлынула, такое безразличие ко всему, что сел на камни, лег на живот, горестно обхватил голову руками... Подошел Серег, невозмутимо сказал свое обычное «ничего», потом вдруг запричитал тихо и торопливо: «Медведь к нам плывет, Петрович, медведь! Уже близко!» Но только и мог я равнодушно на это откликнуться: «А пусть себе плывет...»

Это потом, не меньше чем через неделю, воспоминания стали восторженными, и кому только не рассказывал я взахлеб, как громаден был тот таймень и как долго и трудно мы с ним воевали. А тогда ничего не хотелось, кроме как напрочь отключиться от этого мира, забыться, уснуть, не испытывая душевных страданий.

Эти страдания не прошли и после того, как вскорости извлекли мы из улова еще нескольких богатырей. Один из них был почти в полтора метра, но не радовал он меня: тот был куда как громаднее. Кто таких видел? Нам с Сергеем Ахтанкой посчастливилось.

Рыба эта — мечта спортсмена. Любителя. Промысловое ее значение невелико. Даже в давние баснословно рыбные времена по всему Амуру вылавливали не больше двух тысяч центнеров тайменя. В начале 40-х годов официально здесь добывалось его до тысячи с хвостиком центнеров, а еще в 3–4 раза больше уносили по домам промысловики колхозов и бригад гослова и добывали для себя отдельные любители. Все же около пяти тысяч центнеров — это не так и мало. Примерно полсотни тысяч средних тайменей...

Но уже после войны официальный прилов этой рыбы по Амуру катастрофически упал до... полсотни центнеров. В середине 50-х и в 60-х годах заготовки увеличились до 300–375 центнеров, но и это лишь небольшая часть фактической добычи тайменя.

Старики говорят, что по домам много тайменей уносили. Время то было еще ох какое голодное, а мясо этой рыбы сочное, питательное и очень вкусное... Правда, по мне карась-«лапотник» приятнее. Каждый кулик потому свое болото хвалит, что по-своему на него смотрит.

О технике лова тайменя написано достаточно много. Главное орудие в безледье — хорошо отлаженный спиннинг, наипрочнейшая леска, крупная блесна — предпочтительно вращающаяся, на худой конец — колеблющаяся. В мутную воду лучше желтая, в чистую — белая. Тройники должны быть крепче рельса, и их нужно постоянно затачивать.

Но важнее всего этого — найти тайменье место. О ямах, омутах и заломах мы уже говорили. Стоит еще напомнить, что любит эта «рыбка» выходить на быстрину рядом с глубоким местом, к устьям речек и ключей... Забросил блесну несколько раз — пусто. Иди, значит, дальше искать, и осторожнее иди. Как на хариуса. И тень свою на воду не бросай. Не ломись медведем. Да не ленись встать пораньше: таймень на зорях частенько выдает себя. Иной ночью можно осчастливиться, заменив на спиннинге блесну на «мышь».

...Бывает, и день ходишь впустую, и второй. Но зато когда почувствуешь могучий резкий рывок и засечешь живую глыбу надежно, все забудешь, кроме спиннинга и рыбы, которую одолевать-обарывать да изматывать четверти часа не хватит, а то и в три раза больше провозишься, потому что силен он и вынослив. А когда повезет — за час отведешь душу на квартал.

...Не так давно поднимался я с приятелем в верховья Кура. Долго мы исхлестывали воду, а все без толку. Но от устья Ярапа стало нам фартить — не пересчитать ям, омутов или заломов, которые «отпустили» нам по тайменю или по два.

Каких-нибудь двадцать лет назад мало было рыбаков в летних домах тайменя. По Хору, Бикину, Анюю, Куру, Большой Уссурке, случалось, полтысячи километров одолеешь на

подвесном моторе и под шестами вверх да обратно и редко когда встретишь спиннингиста. Теперь все наоборот — те же места от рева моторов стонут, на каждой косе — таборы или неопрятные следы их. И большинство из суеящегося люда — с мечтою о тайменях, на худой конец, о ленках или хариусах.

Осенью таймень неспешно спускается в сторону Амура, немного опережая появление льда. В Амур приплывает к образованию в тихих местах заберегов, обычно в конце октября — начале ноября. Обосновывается на ямах, в уловах и заводях с чистым дном и умеренного напора течением. Чаще поблизости от сливов с кос и перекатов, особенно около устьев ключей и речек.

По перволедью махальщики щуку ловят, сига, ленка... Но нет среди них такого, что не мечтает о таймене. Тысячи рыбаков — и все разные. А каждый думает о крупном речном лососе.

В юности я использовал самую примитивную блесну из свинца или баббита, а еще ловил щук, ленков, сигов и тайменей на донки с тяжелым грузилом, наживленные ротанами или вьюнами. На уде устраивал два-три поводка с крючками разного размера — сиговыми, леночье-щучьими и тайменьими.

Где брал наживку? А в озерах да старицах. Долбишь лунку над самым глубоким местом и черпаешь илистую жижу с ротанами да вьюнами... Смотришь — замерзли, бедные, пока возился с сачком. А опустил их в воду — и ожили! На свободу рвутся!

...Приходилось ловить тайменей и на червя, и на лягушку, и даже на стрекозу... Но достаточно об этом. Тем более что многим из молодого поколения уже не испытать тех эмоций необыкновенной силы, которые достались на нашу долю: все меньше рыбы, все мельче она. Не в рыбаке-любителе главная причина оскудения рыбных богатств, но все же не хочется продолжать разговор о способах лова тайменя. Внукам бы сохранить его